

Стучка

Алексей Косарев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Косарев

Спичка

«Автор»

2026

Косарев А.

Спичка / А. Косарев — «Автор», 2026

«Спичка» — это не район на карте, это их мир, замкнутый в квадрате четырёх панелек. Здесь выросли Лёша, Миша, Егор и Рома. Детство — в голодных девяностых, юность — в нулевых, зрелость — сейчас. Они дружили — так, как умеют дружить только в тесном дворе, где все секреты слышны через стены, а предательство пахнет гарью. Взрослели, разъезжались. Но один невозвращённый долг перечеркивает всё. И тому, кто уехал, придётся вернуться. Назад в старую панельку. Назад к друзьям. Назад к вопросам, от которых он бежал десять лет. Это жёсткий поколенческий роман. О дружбе, в которой нет святости. О том, что корни держат крепче якорей. И о том, что даже в самой серой пятиэтажке можно сохранить искру — или сгореть дотла.

© Косарев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре пятиэтажки	5
Глава 2. Агата Кристи	7
Глава 3. Третий дом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Косарев

Спичка

Глава 1. Четыре пятиэтажки

Я хотел, чтобы о нас услышали. Потому что такие районы, как наши, редко попадают в литературу иначе как в роли пугала.

Наш двор по периметру был окружен четырьмя пятиэтажками, и в нашем городе я больше не встречал подобных архитектурных решений. Вероятно, причиной тому являлось расположение домов между двух улиц, а не по двум сторонам одной дороги, как это часто бывает. Именно это и дало возможность построить две панельки перпендикулярно проходящим улицам. Дома эти были наследием только—только прекратившей своё существование великой державы: в 70—х их строили рабочие завода, располагающегося по соседству, по так называемому «хозяйственному способу строительства жилья». Помимо пятиэтажек в наследство нам достались бетонные верблюды, служившие качелями, заасфальтированная, но уже обветшавшая футбольная площадка, россыпь различных турников, брусьев и железных лесенок, а также огромное количество деревьев: клёны, дубы, тополя, яблони, рябины. С торца одного из домов была огромная песочница, вернее сказать — кучи песка, в которых кошки постоянно закапывают свои грязные дела.

Всё это было очень похоже на замкнутую экосистему: здесь циркулировали свои запахи, свои звуки, свои законы. Чужаки сюда почти не заходили — двор был проходным лишь формально. Его использовали лишь те, кто жил здесь, остальные старались обойти его по внешнему периметру.

Жизнь кипела в нашем дворе: на веревках между столбами (доставшимися всё так же по наследству) женщины вывешивали сушиться белье, на голубятне, расположенной за одним из домов, кипели горячие споры между птицами и людьми. Футбольные баталии здесь заканчивались лишь по наступлению абсолютной темноты, а из открытых окон часто звучала музыка: «Ласковый май» сменялся «Сектором газа», а на него уже накладывался «Наутилус» — его, кажется, тогда любили больше всего. В девяностых здесь верили, что жизнь наладится — не завтра, так через год, не через год, так к двухтысячному.

Семьи здесь жили разные: заводчан было большинство, но новая страна ввела понятие «свободный рынок», и квартиры начали переходить между людьми по наследству, за деньги или с помощью различных «мутных» дел.

В одном из этих домов и жила моя семья: папа, мама и я, в то время ещё детсадовец. Отец работал посменно на заводе электриком (хоть сам он это и произносил не иначе как «электромонтер»), а в свободное время изучал различную компьютерную технику, которая тогда только появлялась в наших краях. *Как правило, это была чужая аппаратура, которую приносили отцу на ремонт. Сами мы довольствовались подержанным ZX Spectrum — хорошие компьютеры стоили больших денег.* Мама работала на том же заводе в компрессорной, чем она там занималась я не знаю и по сей день. В свободное время (а было ли оно у неё?) она слушала песни Булановой, смотрела «Сто к одному» и читала детективы.

Семью нашу называли «приличной»: родители не бросали работу несмотря на огромные задержки в выплате заработной платы («получки»), летом мы ездили на «фазенду» (шесть соток концентрированных страданий с небольшим сарайчиком) на верном зелёном москвичёнке, да и самогон не гнали.

В соседнем подъезде проживал мой друг Миша: достаточно крупный для своих лет, громкий, смешливый. Жил он с бабушкой и дедушкой —хорошими людьми, пусть и неготовыми к реалиям «нового времени». Мать Миши жила в Москве и «искала себя» — именно так говорила его бабушка с такой интонацией, что всем становилось ясно— ищет себя она уже давно, и вряд ли найдёт. Отец Миши приезжал раз в полгода на денёк. Бабушка с дедушкой не скрывая недолюбливали его, и я никогда не понимал за что: он всегда привозил подарки для Миши, рассказывал шутки, обнимал сына и уезжал. Мой друг любил его, но не скучал. Он вообще не умел скучать.

В доме напротив, на пятом этаже, жил Егор со своей мамой и бабушкой. Отца не было – и это не обсуждалось. Мать работала на двух работах и приходила затемно, а бабушка днём занималась развитием ребенка: водила его на спортивные секции и на занятия на «Станцию юных техников», но спорт Егор любил больше, чем собирать самолетики из палочки от эскимо и бумажного листа. Во дворе он не появлялся— не отпускали, да и сам он особо не рвался. Мы с Мишей неоднократно встречали его идущего с бабушкой, но никогда не заговаривали, а в детский сад с нами он не ходил. Но все изменилось чуть позже, в школе.

В одном из домов была квартира, в которой долгое время никто не задерживался: переезжали в другой город, попадали в больницу и не возвращались, использовали как склад. *Никто не удивлялся, когда оттуда съезжали, и никто не удивлялся, когда туда въезжали новые жильцы.* Позже, сюда переедет семья из Молдавии, а с ними мальчик Рома. Квартира, наконец—то, обретет долгосрочных владельцев. А пока она стояла пустая, и мы, пацаны, гадали: кто въедет? Может, спортсмен? Может, бандит?

Через пару дворов от нашего располагался старый кинотеатр «Спартак», который достался нам «по наследству», как и всё остальное. В нём показывали «Терминатор 2», «Человек—невидимка» и, конечно же, «Жандарм и инопланетяне». Несмотря на небольшой выбор, зрителей хватало: других развлечений было не так много.

Сразу за кинотеатром, на стыке двух улиц был стихийный рынок, который называли «пяточок» или просто «пятак». Здесь уже можно было встретить «новую кровь»: тех, кто верил в рынок, а не труд, что давало контраст с нашим «староукладным» двором. И мы, дети, — мы росли на стыке двух этих миров, впитывая отовсюду понемногу, сами того не замечая.

Скоро кинотеатр перестанет набирать даже пару зрителей, и его передадут под спортшолу, а «пяточок» облагородят и превратят в организованный мини—рынок, но это позже.

А пока— пока я донашивал кроссовки за каким—то дальним родственником, смотрел на россыпи разноцветных брелоков на «пяточке», мечтая, что у меня будет много денег, и всех их куплю, слушал из открытого окна «Белые розы», «Я хочу быть с тобой» и даже «**Highway to Hell**».

Важным было лишь то, что Миша скоро доест обед и выйдет во двор. И именно здесь стартует наша история.

Глава 2. Агата Кристи

Стояла поздняя весна, уже даже начала появляться листва. Несмотря на выходной день, во дворе было пусто: люди, успевшие получить земельные участки от завода до развала Союза, уехали на «картошку»; оставшиеся мужчины ещё утром побрели в гаражный кооператив заниматься своими делами, а у их жён были неотложные хлопоты по дому. Я и сам избежал трудовой повинности на «фазенде» лишь благодаря очередному компьютеру, который принесли отцу на ремонт.

— Да я тебя уже заждался, толстяк! — обрадовался я, когда Миша наконец—то вышел во двор. — Ушли одновременно, а вернулся я гораздо быстрее!

— Бабушка говорит, что по тебе видно, что ты не ешь ничего! — ответил он — не обиделся, а просто констатировал факт, как врач.

— Ладно, толстый, я тебя прощаю. — Я не прекращал улыбаться.

— Кто обзывается, тот сам так называется! — отбил он заученной фразой и тут же перешёл к делу: — Пошли до Пятачка носом поводим?

Вторую фразу он сказал гораздо тише: хоть мы и должны были пойти в школу уже в этом году, наша самостоятельность ещё не была признана на высшем уровне. Отходить далеко от двора запрещалось — в любой момент могли позвать, высунувшись из окна. И тогда — конец. Спят. Больше не выпускают.

Я быстро прикинул риски. Родители заняты — отец с паяльником над чужим компьютером, мать на кухне с детективом. Если вернуться через час — никто не хватится. Время было.

— Пошли. Только быстро.

Мы выскользнули из нашего двора. Маршрут был известный: вдоль ателье, затем детской поликлиники со страшными пластиковыми игрушками на подоконниках, мимо «Колизея», где афиша «Дискотеки кому за 30» уже выцвела на солнце до состояния призрака, и вот он — Пятачок.

«Развал» был чертовским шумным: сюда стекались люди со всего района и велась бойкая торговля. Вернее сказать, шёл жесткий «торг» — у людей было немного денег, поэтому торговаться они могли очень долго. Витринам здесь служили раскладные столики, капоты автомобилей и даже газеты, расстеленные прямо на земле. Два армянина продавали овощи прямо из кузова ЗИЛа.

Мы бродили между рядами. Ненадолго задержались около прилавка с игрушками, яркими, но хрупкими, как всё, что привозили из Китая.

— Чего уставились? — спросил продавец. Это был мужик с золотым зубом и лицом человека, который не привык к тому, что дети просто смотрят. — Деньги есть — бери. А нет — не отпугивай покупателей.

Денег у нас не было, и мы отправились дальше. Следующая наша остановка состоялась у капота «двойки». Он был укрыт покрывалом (подобными застилались наши кровати в детском саду), а на нём уже были выложены ряды аудиокассет.

— Так, пацаны, хотите смотреть — смотрите, но доверия к вам никакого, поэтому шаг назад и любуйтесь сколько пожелаете, — дал нам инструкцию парень, который, по всей вероятности, был хозяином этой «торговой точки». Это было высшим проявлением клиентоориентированности того времени, только слова мы такого не знали, поэтому просто навесили на торговца кассетами ярлык «классный мужик».

Я читал надписи на кассетах: некоторые из них были в прозрачных пластиковых футлярах с надписями и картинками, другие же лежали в коробке, переложенные бумажками с подписями, как в библиотечной картотеке. Читать я научился достаточно рано: просто родителям

надоела моя вечная просьба прочесть мне книгу, поэтому мог прочесть названия кассет. Миша же умел читать плохо, а картинок здесь было немного, и ему быстро наскучило:

— Пойдём уже во двор, а то вдруг дед из гаража пойдёт.

И мы двинули обратно.

— Там на одной кассете было написано «Агата Кристи», у нас дома книжка есть на которой так же написано, — делился я с другом по дороге во двор, — интересно как это связано?

— Ну может там на кассете кто—то книжку вслух читает, — предположил Миша.

— Да ты чего? Зачем это надо кому—то если можно самому сесть и почитать.

— Ну мне, например, я вот читать не люблю, — мой друг сразу нашел выход, — хотя и слушать мне это не хочется. Название не очень: «Кристи» — это, наверное, что—то про игру в карты. Никаких динозавров или инопланетян, — на финале фразы Миша кивнул на кинотеатр, мимо которого мы проходили.

Я не ответил. Я всё ещё думал о той кассете. «Агата Кристи». Если это не карты, то что? Может, какая—то женщина? И почему её имя написано на кассете, как на книжке? Странно. Но интересно.

— Слышь, Лёх, — Миша дёрнул меня за рукав, — а давай завтра опять ходим? Только с деньгами.

— Где ты деньги возьмёшь?

— У деда спрошу. Он добрый. Скажу — на жвачку.

— И он даст?

— Ну, если грустное лицо сделать — даст.

Я прикинул: дед у Миши действительно добрый. И если сделать грустное лицо, то шансы есть. Но на жвачку денег дадут ровно на жвачку. А на брелок — уже нет. На кассету — тем более. Значит, нужен другой способ.

— Ладно, — сказал я. — Завтра решим.

Мы дошли до арки. Двор встретил нас тишиной. Никто не кричал из окон. Никто не спалил. Я выдохнул. Всё обошлось.

На лавочке у подъезда сидела соседка, тётя Зина, и лузгала семечки. Она посмотрела на нас с подозрением — как смотрела на всё, что двигалось.

— И где вас носило? — спросила она без особого интереса.

— У будки сидели, — соврал я, имея в виду трансформаторную будку за одним из домов.

— Ну—ну. — Она сплюнула шелуху. — Смотрите у меня. Будка — она для тока, а не для игр. Дёрнет — и нет пацанов.

— Не дёрнет, — сказал Миша. — Она гудит, но не дёргает.

— Гудит — значит, работает. А работает — значит, опасная. Всё, брысь отсюда.

Мы не стали спорить. Тётя Зина была вредной, но не злой. Просто ей было скучно. Взрослым вообще часто бывает скучно — я это уже начинал понимать.

А через два месяца наступил наш выпускной из детского сада. Правда, это называлось «утренник», хоть и проводили его после обеда — видимо, никто из взрослых не увидел одинаковый корень со словом «утро». Взрослые вообще часто неверно истолковывают слова, или применяют странные фразочки. Например, про ведущих беседу людей они говорят «лясы точат». Я очень долго пытался найти у себя эти самые лясы, но в предполагаемом месте их нахождения оказались, если верить моим родителям, скулы. Но вернемся к утреннику.

После обеда мы порепетировали свои номера в группе, а затем нас отвели в зал, служащий для музыкальных занятий. Именно здесь мы много раз пели песню про мальчишек, что уходят в бой в солдатском строю. Песня эта мне очень нравилась, она была одной из немногих величественных вещей, окружавших нас в ту пору.

В музыкальном зале пахло хлоркой и детсадовской столовой. Спустя тридцать лет хлорка куда—то исчезла, а вот запах столовой до сих пор пронизывает все дошкольные учреждения

нашей страны. Родители сидели на расписанных хохломой детских стульчиках, расставленных в три ряда, и лица их были радостными. Увидеть радостными сразу несколько человек было в то время редкостью.

Первым номером был танец девчонок, который они репетировали целых два месяца. За время репетиций все незамысловатые движения были выучены и мальчишками, поэтому прямо во время исполнения номера Миша со своего места повторял танец чуть ли не лучше самих маленьких танцовщиц, а учитывая его немаленькие габариты можно сказать, что внимания ему доставалось ничуть не меньше.

Затем мы читали стихи. Я рассказал тот, в котором призывал школу встречать «активиста, заводилу и артиста». Что такое «активиста» я не знал, но слышал это от Шварценеггера в фильме про роботов, который однажды вечером выходного дня крутили по телеку. Фильм мне очень понравился— там было вообще всё! И роботы, и драки, стрельба, взрывы. А ещё у главного героя в двенадцать лет был мотоцикл, и мне стало казаться, что он у меня тоже появится, осталось лишь подождать пяток лет. В общем очень даже хорошо, что в тот день на улицу поливал ливень, и мы не пошли гулять во двор.

После всех заготовленных номеров одна из воспитательниц произнесла напутственные слова про то, что мы сделали важный шаг в большую жизнь, и школьная жизнь наша начнётся очень скоро и будет ещё более яркой. А ещё про то, что мы не должны бояться трудностей, быть сильными и смелыми.

—А сейчас у вас состоится небольшое чаепитие! – закончила она свою речь. Никак не могу вспомнить её имя, кажется, Вера Петровна.

—Ура!!! – Миша вскочил со стула и побежал к бабушке – Сейчас песни петь будем! – обрадовался он, и немедленно начал исполнение:

А мы ему по жопе чайником,

И научим танцевать!

Но тут же выхватил от бабули по заднице и объяснился:

—Ну, а что? Это народная! Я её по радио у деда слышал!

Я всё ещё сидел на своем месте и мечтал провалиться сквозь пол, прямо в подвал, к трубам. Щекам было горячо. А вот Мише было не стыдно, ему было весело. Он вообще редко понимал, что можно, а что нельзя.

После чаепития нам всем выдали подарки (одинаковые рюкзаки с зайцем, сделанные из материала, похожего на клеенку) и мы отправились по домам.

По телевизору вечером не было ничего интересного, лишь новости про какие—то там столкновения. Поэтому я покрутил в руках отцовскую бензиновую зажигалку с Лениным, полистал книжку и отправился спать. Но заснуть так и не удалось: до школы оставалось не так долго, а я всё ещё не знал кем хочу стать, когда вырасту, как же я буду учиться если не знаю, что мне пригодится в будущей профессии? Мише было проще: он всегда говорил, что станет сварщиком, ведь ему дед по секрету сообщил, что без «толкового сварщика ничего не делается». А для этого ему нужно научиться лишь читать чертежи, но и с этим проблем не будет— дед обещал научить, когда Миша немного подрастёт.

И я решил: мне захотелось быть продавцом брелков или аудиокассет, но лучше именно аудиокассет— так всегда можно будет вечером дома послушать что—то новенькое.

Глава 3. Третий дом

Первого сентября я впервые в жизни проснулся по будильнику, которым меня учили пользоваться весь вечер. Родители не смогли отпроситься с работы, поэтому в школу нас должна была отвести бабушка Миши.

Наскоро позавтракав чаем и бутербродами с вареньем, я умылся и надел приготовленную мамой с вечера одежду: белую рубашку с галстуком на резинке, черные брюки и пиджак. Затем я еще раз проверил, всё ли было уложено в рюкзак. Это было вовсе не обязательно, ведь вечером я проверял как минимум трижды, но всё же это был первый шаг во взрослую жизнь, и я чувствовал необходимость в дополнительной проверке.

Я надел черные туфли с тупым носом, которые мы с родителями покупали пару недель назад на центральном рынке. Эта покупка мне хорошо запомнилась— процесс торга тогда занял гораздо больше времени чем выбор и примерка. Обувшись, я еще раз взглянул в зеркало, достал расчёску, причесался, взял рюкзак и вышел в подъезд, аккуратно закрыв дверь ключом — правильно, как учили.

Спустившись на один пролёт лестницы, я замер.

Букет.

Букет для учительницы, ради которого родители вчера ездили на фазенду остался в вазе на кухне.

Пришлось подниматься обратно, открывать дверь, проходить на кухню не разувшись (вряд ли туфли успели сильно испачкаться) и забирать букет. «Всё, теперь уже точно ничего не забыто», — думал я, закрывая дверь и спускаясь во двор, где меня уже ждали Миша с его бабушкой.

—Ну наконец—то, я уже подумал, что ты ушел один! Без нас! — вместо приветствия громко заорал Мишка.

Он был одет в похожую одежду, разве что пиджак на нем был застёгнут всего на одну пуговицу, которой приходилось явно туго, да и рубашка на нём была обычная, клетчатая.

—Здравствуйте! Спасибо, что отведете нас в школу – обратился я к бабушке Миши, Нине Ивановне.

—Здравствуй, Леша. Какой вежливый мальчик – поздоровалась она в ответ, — Миша, учись.

—Да я тоже вежливый. Даже вежливее, просто ты не замечаешь. У тебя просто глаз запенился.

—Не запенился, а замылился, —поправила она Мишу, — Ладно, вежливые, пошли.

На улице было прохладно, несмотря на безоблачную солнечную погоду. Мы прошли мимо соседнего дома, затем мимо развалин, спустились к железным палаткам, в которых торговали продуктами, срезали через ещё один двор и вот она — школа!

В школьном дворе было много людей, но особенно выделялись три празднично одетых женщины, у каждой из которых в руках была табличка с буквами «А», «Б» или «В». Они были словно маяками, рядом с которыми кружат лодки—первоклашки.

—Так, мальчишки, вам вон к той женщине с буквой «Б» — сказала нам Нина Ивановна, — ее зовут Мария Петровна. Запомнили?

—Да канеш! – согласился Миша, но я был уверен, что он и не старался запомнить, — пойдём, Лёх!

Мы подошли к нашей первой учительнице и поздоровались:

—Здравствуйте, Мария Петровна! – сказал я.

—Здрасть!— громко гаркнул Миша.

—Здравствуйте, ребята! – поздоровалась она в ответ— далеко от меня не отходите, скоро будем выстраиваться на линейку.

Что такое линейка мы уже знали, подобное практиковалось и в нашем детском саду. Среди первоклассников я видел много знакомых лиц: кто—то жил в соседних дворах, кто—то ходил с нами в детский сад, а кого—то мы встречали на «пяточке» будучи там с родителями или в «самоволке». Рядом с нами стоял мальчишка, которого мы неоднократно встречали в нашем дворе. Он ходил на разные занятия со своей бабушкой, но гулять не выходил и в детском саду не появлялся, поэтому мы не были знакомы.

Тех, кто ходил с нами в детский сад я вычислял скорее по одинаковым рюкзакам с зайцем, чем по лицам. Поэтому Колю Фомина и Аню Мельничук я заметил не сразу— у них почему—то были новые красивые рюкзаки: у Коли зеленый с «Черепашками—ниндзя», а у Ани желто—розовый с Барби. Эти двое стояли рядом с учительницей, которая держала табличку с буквой «А», но нас они заметили и явно хотели перекинуться парой слов, жаль им тоже велели никуда не отходить.

Сама линейка ничем особенным не запомнилась: директор—старый невысокий мужчина с усами говорил долго. Про знания, которые мы получим, и они обязательно нам пригодятся в будущем. Про само будущее, которое мы построим. Про то, что школа – это наш второй дом. Я тогда подумал, что он, наверное, не знает, что мы ходили в детский сад, который и был нашим вторым домом. А школа стала, получается, третьим.

По окончании речи директора высокий усатый одиннадцатиклассник пронёс на плече мимо рядов первоклассников Аню Мельничук, которая рьяно звонила в позолоченный звонок, и линейка закончилась. Мария Петровна, наша первая учительница, велела строиться парами.

—Мальчик с девочкой, мальчик с девочкой! Как в детском саду.

Миша немедленно схватил за руку ближайшую девочку — худенькую, с двумя большими жёлтыми бантами, похожими на одуванчики.

—Меня Миша зовут,— сразу представился он, — а тебя как?

—Я Саша, — тихо представилась девочка, — Саша Йадчук.

Я понял, что она картавила, и на самом деле она всё же «Радчук», а не «Йадчук». Сам я тоже не всегда выговаривал «р», но последние полгода мне это удавалось лучше и лучше.

—Очень приятно, — сказал Миша девочке, и я пожалел, что его бабушка уже ушла домой и не увидела, насколько её внук вежливый.

Я встал в пару с другой девочкой, которую звали Оля, и она всю дорогу до класса рассказывала мне про свою кошку, которая родила котят, и про то, что одного котёнка назвали в честь её папы — Сергеем. Я слушал и думал: «Интересно, а мне удастся уговорить родителей взять котёнка? Я всё же уже взрослый, в школу вот хожу, смогу за ним ухаживать».

В классе нас рассадили, при этом наша с Мишей попытка сесть вместе была пресечена на корню:

—Так, мальчики! Лёша остаётся на второй парте у окна, а Миша садится за ним на третью, — Мария Петровна то и дело наводила порядок в хаосе, учинённом первоклассниками.

Рядом с Мишей оказалась уже хорошо знакомая ему Саша Радчук, а вот Олю ко мне не посадили: учительница сказала, что дети в очках должны сидеть за первой партой. Поэтому рядом со мной оказалась Аня Круглова, которая почему—то сразу показалась мне воображалой.

За четвёртой партой (прямо за Мишей) оказался тот самый мальчик из нашего двора и Юля Семакина, которая ходила с нами в детский сад.

Мальчика из нашего двора звали Егором.

Я знал это ещё до перекички — просто слышал, как называет его бабушка, когда они идут на занятия. А во время перекички я узнал и фамилию — Сеченов.

Я обернулся, чтобы рассмотреть его получше. Егор заметил мой взгляд — и не отвёл. Мы смотрели друг на друга секунды три. Потом он коротко кивнул, и я кивнул в ответ. На этом знакомство закончилось.

—Так, Тихомиров, — услышал я свою фамилию от Марии Петровны, и следом прозвучала фамилия Миши, — отвернись от Барабанова и внимательно слушайте!

Она рассказала нам про то, как будет проходить наше обучение, какие предметы мы будем изучать, о том, что наша главная задача — впитывать знания и хорошо выполнять домашнюю работу.

—Мария Петровна, а если мне вдруг в туалет надо будет, мне что делать? — задал вопрос Миша.

—Во время уроков тебе прежде всего нужно поднять руку, а затем уже можно будет задать вопрос, — пояснила учительница, — давай попробуем. Задай вопрос ещё раз.

—Что мне делать если захочется выйти в туалет? — не теряя ни секунды повторил Миша вопрос.

Класс рассмеялся.

—Барабанов, ты сейчас мгновенно забыл всё, о чем я говорила, — улыбалась Мария Петровна, — давай ещё раз. Подними руку.

Миша вытянул руку вверх на всю длину.

—Хорошо, я вижу твою руку. Киваю тебе, и теперь ты можешь задать свой вопрос.

—Что мне делать если захочется выйти в туалет?

—Всё тоже самое, что ты проделал сейчас: поднимаешь руку, я это замечаю и ты спрашиваешь можешь ли ты выйти. Уточнять про туалет не обязательно. Всё понял? — не прекращая улыбаться объяснила учительница.

—Да, понял, — подтвердил Миша и тут же вновь поднял руку.

—Что такое? — удивилась Мария Петровна.

—Можно выйти в туалет? — спросил Миша и класс зашёлся звонким детским смехом.

—Иди уже Барабанов, иди. Над вопросами мы с тобой ещё поработаем.

Миша выбрался из—за парты и неторопливо пошёл к двери, как человек, который только что выиграл важные переговоры и теперь может позволить себе паузу.

Мария Петровна проводила его взглядом и продолжила урок. Она рассказала, что каждый день у нас будет по четыре урока, что по утрам нужно приносить сменную обувь, и что начинаются занятия в восемь двадцать утра.

Миша вернулся через пять минут — довольный, как будто только что совершил кругосветное путешествие.

— Ну что там? — спросила его Саша Радчук шёпотом.

— Туалет как туалет. Плитка зелёная. Накурено сильно, как в подъезде.

— А зачем ты ходил? Ты же не хотел.

— Для тренировки. Надо же с чего—то начинать.

Скоро прозвенел звонок, и учительница сказала, что мы можем отдохнуть десять минут, но должны быть на своих местах, как только прозвенит второй звонок.

Мы с Мишей вышли в школьный коридор и встали возле подоконника. Все остальные первоклашки тоже стояли у подоконников или жались к стенке, мимо проносились ребята постарше.

— Ну как тебе? — спросил Миша.

— Нормально. Учительница мне показалась хорошей. А зачем ты в туалет пошел?

— Да не, я попросился для проверки системы. Система работает. Руку поднял — вышел.

Всё честно, без дураков

— Ну хорошо, что тебе всё понятно.

— Не—а, но это неважно. Важно, что я теперь знаю, как выходить. А то вдруг приспичит — а я не умею. Это же риск.

В этот момент из класса вышел Егор.

Он не спеша прошёл мимо нас, остановился у соседнего подоконника и выглянул в окно. Руки в карманах. Смотрит в одну точку. Как будто нас и нет.

— Слышь, Егор, — окликнул его Миша. — Ты чё один? Иди к нам.

Егор обернулся. Посмотрел на Мишу, потом на меня. Потом пожал плечами:

— Можно.

Он подошёл и встал рядом. Мы стояли втроём у подоконника и молчали. Это было странно — вроде бы ничего не произошло, но что—то изменилось. Как будто воздух стал плотнее.

—А ты ведь в сто шестом доме живешь, так? — спросил я, не вытерпев такого долгого молчания.

—Так, — коротко ответил Егор.

—А мы напротив, в двадцать пятом. А чего ты во двор не выходишь гулять?

—Бабушка говорит, что во дворе делать нечего, да и всё моё время на занятия уходит.

Прозвенел звонок, и мы вернулись в класс. На втором уроке мы рисовали животных, потому что в первый день в школе нельзя много трудиться – так нам сказала Мария Петровна, и после второго урока нас отпустили домой.

Мы вышли из школы втроём — я, Миша и Егор. Это получилось само собой- мы не договаривались — просто вышли и пошли в сторону нашего двора. Миша всю дорогу рассказывал про зелёную плитку в туалете, про то, что она «как в больнице, только веселее», и про то, что завтра он планирует попроситься выйти ещё раз — «для закрепления навыка». Егор молчал, но не уходил вперёд и не отставал. Он шёл с нами. Как будто он ещё не решил, остаётся ли с нами насовсем.

Первый день в школе прошёл отлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.